

Живая ткань

Простейшее, из сложности восстань!
Так радуга из свежести тумана
лесную околдованную рань
лишает бледно-синего обмана.

Нить Ариадны выведет живых
в метаморфозах форм и эволюций.
Кленовые листья качаются для них,
для них и трепетные запахи настурций.

Живая вечно рвущаяся ткань,
немеющая в радости осенней,
пусть мертвое живому платит дань
и продлевает вечность у мгновений.

Все внешнее у внутреннего в чувстве.
И в голосе у плещущей реки
невозмутимо вечное искусство, —
не слышно горя, не было тоски.

Проголосный вопль

Куда улетают все наши проклятья,
Кто их подшивает небесной иглой
В космической пыли, где сейф необъятный,

кто держит их в черной пустыне глухой?
Праматерь Земля, вопли стонов несутся,
хлестаются вихри и громами рвутся, —

вот шквалы, ревущие в глотке людской!
Исчезли, в холодную сжавшись комету.
Но где эти вопли и тягостный вой

растопят в лучах бесконечного света?

Торсу Аполлона

По светотеням мышц века играли взглядом
и исчезали в корче важных мин,
из разворота ног и таза плотоядно
поднялся торс. И древний исполин
обнял день новый, яркий и нарядный.

Музейный холод пустоты
вобрал в себя каррарский мрамор,
на твердых мышцах наготы
выводит солнце цветогаммы.

Но сладострастье, закипая
на ветвях поздней весной,
цветеньем почки рассекает,
и жизнь шумит над головой
того, кто в мраморе страдает.

Северное море

Сияньем северным синий узор,
лазурно-багряные краски сковав,
в кистях сталактитов природу обняв,
шелками холодными радует взор.

Гранятся алмазы зеленого моря
на всплесках свинцово-сиреневых волн,
а белые чайки стенаются в горе
и слышен далеко их раненый стон.

Не может природа над вечным покоем
лить слезы, оставив тревожную жизнь,
Ты, море, в холодном звенящем разбое
у сильных сердца обогрей и зажги!

Дай веру твою и уставшим, и слабым,
дыханием жар головы остуди,
кто помнит, кто любит твой шорох нарядов,
в скитаньях тому ты на помощь приди.

Обезьяний питомник

Ты предок мой, сухумский губошлеп,
измученный абхазскою природой,
нас разделил ничтожный поворот,
в деревьях жизни разметавший всходы.

Лишь мы взошли в сознании себя
в стальных цветах абстракции и логик,
тяжелый веер жизни теребя,
в букетах слова славили природу.

Мы вместе все. И в прутьях наша клеть!
Где путь от нас? К каким еще сознаниям?
Межзвездная глухая круговерть,
где тот предел таинственных дерзаний?

Пока он в нас. Он в нашей пустоте
кипящей жизни смысл одолевает,
но зимней стужей, в гонках, при езде
клубами пар и мысли погоняет.

Прыжок. Но ты завидуешь не мне,
внимательно оглядывая руки,
твои глаза в сухумской синеве
едят банан, испытывая муки.

Серым людям

"Вступая в средние лета, открываем людей ни совершенно черных, ни совершенно белых; Монтань бы сказал: серых. Но зато истинная опытность должна научиться снисхождению, без которого нет ни одной общественной добродетели: надобно жить с серыми или жить в Диогеновой бочке".

К.Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе.
Наука, М., 1977, стр. 417.

В сером фраке вечер опустился
на асфальтовую гладь:
серый люд в кино катился
жить, любить и помирать.

Свинцовое время на сердце легло,
и прошлое ближе, и ближе...
Каленым железом вдруг солнце зажгло
верхушки задумчивых вишен.

Лимонным пожаром ответила степь
на шутку земного светила,
и в зыбкой улыбке озерная цепь
ее глубиной поглотила.

Но серая, серая, серая мгла
на город, на степь опустилась,
И скукою серых прохожих гнала
туда, где и елось, и пилося.

Твое же здоровье, пузатый живот,
здоровья вам, серые люди!
Пускай диогены встречают восход,
мы в серости с вами пребудем.